

Aīda Razumovska (Аида Разумовская),
Anastasija Cepina (Анастасия Цепина),
Nikita Jefimovs (Никита Ефимов)

«ВСЕМУ НАЧАЛО ЗДЕСЬ...»: РЕЖИЦКО-ПСКОВСКИЕ ИСТОКИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ЮРИЯ ТЫНЯНОВА

В статье прослеживается влияние двух городов – Резекне и Пскова – на становление творческой личности Юрия Тынянова. Авторы приходят к выводу, что Режица (Резекне), благодаря уникальному разнообразию национальностей и социальных слоев населения, сохранивших свои культурные традиции, способствовал развитию у будущего ученого писателя наблюдательности и внимания к человеку. Впечатления от Пскова ценны особой атмосферой интеллектуально насыщенной жизни, сложившейся в окружении Тынянова-гимназиста, что способствовало формированию его личности, развитию глубокого интереса к литературе, творческой свободе.

Ключевые слова: Режица (Резекне), Псков, приграничье, автобиография, психологизм, изобразительность характеров.

„VISAM SĀKUMS ŠEIT...”: RĒZEKNES–PLESKAVAS PERIODS JURĪJA TIŅANOVA PERSONĪBAS TAPŠANĀ

Rakstā tiek atklāta divu pilsētu – Rēzeknes un Pleskavas – ietekme uz Jurija Tiņanova personības veidošanos. Raksta autori secina, ka Režica (Rēzekne), pateicoties unikālajai nacionalitāšu un sociālo slāņu daudzveidībai, to saglabātajām kultūras tradīcijām, veicināja topošā autora vērtīgumu un uzmanību attieksmē pret cilvēkiem. Pleskavas iespaidi ir vērtīgi ar īpašu intelektuāli piesātinātu dzīvi, kas veidojās J. Tiņanova ģimnāzijas periodā. Šie iespaidi ietekmēja topošā autora personību, radot padziļinātu interesi par literatūru, radošas brīvības izjūtu.

Atslēgas vārdi: Režica (Rēzekne), Pleskava, pierobeža, autobiogrāfija, psiholoģisms, izteiksmīgi raksturi.

**“EVERYTHING STARTS HERE...”:
REZHITSK–PSKOV ORIGINS OF THE CREATIVE
PERSONALITY OF YURY TYNIANOV**

Yury Tynyanov is an outstanding scientist, writer, translator, one of the founders of the formal school in literary criticism. The article is devoted to the role of two cities – Rēzekne and Pskov – in the destiny of Tynyanov. These are place, where the writer spent his childhood and youth. Kaverin’s statement refers to both cities: “Tynyanov paid attention to his childhood, which was following him slowly but steadily.”

Tynyanov’s memoirs, reminiscences of his friends and contemporaries provide an interesting material for analysis. Child’s impressions are reflected in writer’s autobiography. It is connected with daily life of Rezhitsa (Rēzekne) and its inhabitants. Primarily, author’s attention was drawn to people – the representatives of different nationalities and social stratum, who retained their cultural traditions and mode of life: “The town was small, hilly and very different.

On the hill there were the ruins of Livonian castle, Jewish alleys were below, and beyond the river there was a schismatic skit. At the same time there lived Jews, Belarusians, Great Russians and Latvians, and there were several centuries and countries. Old Believers were like Surikov archers. In the skit there was celebrated a wedding on rabid horses.

Russian people of the 17th century were walking there; old men were wearing long coats, wide-brimmed hats; beards were like sharp, long icicles. Drunkenness was archaic and often ended up with riding.”

Tynyanov strived to understand thoughts, characters and essence of people. Drawing portraits of townspeople from memory, the writer noted some details, which are important for understanding human’s nature. These descriptions can be called psychological.

With such a desire to cognize human’s soul it is no wonder that little Tynyanov mostly was interested in people, who were out of the crowd, standing below the norm not only socially, but also psychologically. Rezhitsa gave him amazing material for observation: “There were a lot of crazy and eccentric people in the town. They amused everyone. One young Jew stamped his feet in front of the photoshop’s showcase which he stared at, yelling: “My dear, look straight at me!” A crazy woman was driving a brood of her children – they grew in number from year to year. Went without Karamazov.”

Tynyanov described a lot of astonishing people, remembering his hometown. He remembered the names of many of them: Kolia Topolev, who wasted all money on cabs and became a tramp, Mishka Posadskii – terrible, one-handed, looked like a cautious, confident beast of unknown breed, and Crazy Nikolay – so exact that hostess checked on him, whether it is time to start preparing porridge.

From his childhood’s observations Tynyanov began his way to become one of the

most extraordinary researchers and a peerless writer. He had an amazing ability to take the shape of another person like an actor. He could see what he feels, what he is thinking about and what the matters of his behaviour are. He could become this person for a while, whether it is tramp or Pushkin himself or Griboyedov. Taking into consideration the fact, which can be observed in reality or taken from a historical document, Tynyanov was able to go further, to go under the surface, to feel intuitively the condition of a person. He formulated his method this way: "I start where the document ends."

The role of Pskov in Tynyanov's life has also played a significant role, because places had always had a great impact on the writer and had shaped the identity, future, as well as the literary taste of the philologist. In Pskov, during the years of studying at school, Tynyanov gained his first friends, began to learn Russian and foreign literature. Everyday life of the city itself, i. e., its weekdays and holidays influenced the philologist's future: "Since that time I got to know Russian province." A particular attention in the autobiography is paid to prisons and convicts, but still the determining factor in the perception of the city is an amazing atmosphere of intellectual and artistic freedom.

Keywords: Rezhitsa (Rēzekne), Pskov, borderland, autobiography, psychology, fine characters.

*Если бы у меня не было моего детства,
я бы не понимал литературы.*
Ю. Тынянов

Юрий Тынянов (1894–1943) – выдающийся ученый, писатель, переводчик, один из основателей формальной школы в литературоведении. Его перу принадлежит ряд крупных историко-литературных и теоретических работ, таких как «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921), «Проблема стихотворного языка» (1924), «О пародии» (1929), «Архаисты и новаторы» (1929) и др. Один из главных объектов исследования Тынянова – личность и творчество А. С. Пушкина, а также его друзей и современников. Незаконченный роман «Пушкин» (1936, ч. 1 и 2) стал художественно ярким и научно отточенным итогом изучения Тыняновым творчества русского поэта. Не менее талантливо историко-биографические романы «Кюхля» (1925), «Смерть Вазир-Мухтара» (1928), рассказ «Подпоручик Кижэ» (1927), повесть «Восковая персона» (1930) и др.

Биография Ю. Тынянова неразрывно связана с тремя городами – Режица (сегодня Резекне), Псков и Санкт-Петербург. В Режице он провел свое детство, в Пскове – юность, в Петербурге протекала его взрослая жизнь. И, хотя все научные и литературные труды Тынянова были созданы им в северной столице, и Псков, и Резекне не менее важны в его судьбе: Тынянов, *работая, как бы*

прислушивался к своему детству, которое шло за ним медленно, но неуклонно (Каверин, Новиков 1988: 21).

Тынянов родился в 1894 году в городе Режица, на тот момент входившим в состав Витебской губернии Российской империи, где жил до 1904 года («В начале жизни школу помню я» 2003: 111), до поступления в Псковскую гимназию. Но, даже учась в Пскове, на каникулы он неизменно возвращался в родной город.

Режица (Резекне) – город с богатой историей и самобытной культурой, которую латгальцам удалось сохранить, несмотря ни на какие трудности. Первое упоминание города в хрониках – 1285 год (под названием *Rozitten*). С 1582 года Резекне входит в состав Польско–Литовского княжества. В 1772 году, после первого раздела Польши, Резекне становится частью Российской империи. Режица была причислена к Псковской губернии, в 1777 году город вошел в состав Полоцкой губернии, а с 1802 года город становится одним из уездных центров Витебской губернии. В 1917 году участники конгресса представителей Латгальского края приняли историческое решение об отделении от Витебской губернии и присоединении к Видземе и Курземе с целью создания независимого латвийского государства. Город Резекне стал оплотом и сосредоточением латгальской культуры. Сейчас Резекне называют *сердцем Латгалии*.

Удивительно живописно расположение города: Резекне находится на семи холмах, на берегах речки и озера. Исторические факты обусловили необыкновенно яркий и разнообразный колорит, присущий городу в начале XX столетия. Яркой его чертой была многонациональность. Соединение и переплетение различных культур создавало особую атмосферу Режицы. Кроме того, богатая история этих мест оставила замечательные памятники архитектуры и культуры разных эпох – развалины древнего замка, старинный костел и др. историческое наследие –, которые уже в начале XX в. восхищали и жителей города, и приезжих.

Нет сомнения в том, что Режица сильно повлияла на становление личности будущего писателя. В воспоминаниях автора мы находим немало впечатлений ребенка, связанных с повседневной жизнью города и его жителей. Из автобиографии писателя видно, что Тынянова в первую очередь интересовали именно люди, которые представляли самые разные национальности и социальные слои, во многом сохранившие свои культурные традиции и бытовой уклад: *Город был небольшой, холмистый, очень разный. На холме – развалины ливонского замка, внизу – еврейские переулки, а за речкой – раскольничий скит. <...>В городе одновременно жили евреи, белорусы, великорусы, латыши и существовало несколько веков и стран.*

Староверы были похожи на суриковских стрельцов. В скиту <...>справляли на бешеных конях свадьбы. Потом разводились, и тогда тоже мчались на конях, загоняли их. Там ходили высокие русские люди семнадцатого века;

старики носили длинные кафтаны, широкополые шляпы; бороды были острые, длинные, сосульками. Пьянства случались архаические, и опять-таки кончались ездой.

Кругом города возникали цыганские таборы. Нищие, с женщинами в цветном тряпье, с молчаливым, чужим и равнодушным отчаянием в лицах и холодной невучей речью («В начале жизни школу помню я» 2003:97–98).

Неутомимый интерес к исследованию человеческой природы вел будущего писателя к самым необычным, иногда маргинальным личностям: *У мостика, где мы жили, долгие годы сидел слепой Николай с большим неподвижным черным лицом, в сермяге. Ходил он ровно – знал дорогу – и опирался на высокую палку, глаженную временем. Рядом хлопотала Грыпина – маленькая старушка с красным от водки носиком, продавала яблоки. Николай говорил медленно и тускло – отдельные слова, только с нею. Они ко мне привыкли. Николай молчал, а Грыпина щебетала. Раз ни ее, ни Николая не было. Я увидел: на твердой земле, где он сидел, было углубление, которое за долгие годы он высидел. Я вспомнил об этом много позже, когда читал «Шильонского узника» («В начале жизни школу помню я» 2003: 98).* Обратим внимание, как тонко и точно помнит Тынянов черты этих неблизких ему людей и детали, связанные с ними. Спустя много лет, говоря о своем детстве, он вспоминал не игры с друзьями, не облик улиц, не собственный дом, а староверов, босяков, цыган и слепого Николая с его верной помощницей Грыпиной. *Я вообще рос не дома, а в саду и на этом мосту, возле слепого Николая («В начале жизни школу помню я» 2003: 98).* Здесь, среди таких странных и необычных людей, маленькому мальчику было намного интересней. Он наблюдал. Всматриваясь в каждого человека, он пытался проникнуть глубже того, что видно глазу, – внутрь души. Тынянов хотел понять переживания, мысли, характер, сущность людей. Рисуя их портреты по памяти, писатель отмечал детали, важные для понимания природы человека. Эти описания можно назвать психологическими: о староверах – архаические пьянства, бешеные скачки, верность в дружбе; о цыганах – женщины с молчаливым, чужим и равнодушным отчаяньем в лицах. При таком стремлении познать душевный склад человека неудивительно, что особенно интересовали маленького Тынянова люди, выбивающиеся из общей массы, стоящие за чертой нормы и не только в социальном, но и в психическом отношении. Город Режица давал ему замечательный материал для наблюдений: *В городе было много сумасшедших и чудаков. Они всех забавляли. Один молодой еврей топал ногами перед витриной фотографии, на которую пристально смотрел, и кричал: «Дорогая моя душенька, смотри на меня прямо!» Сумасшедшая женщина гнала перед собой выводок своих детей – их год от году становилось все больше. Обходились без Карамазова («В начале жизни школу помню я» 2003: 98).*

Разных и удивительных людей описывал Тынянов, вспоминая свой родной город. Многих он помнил по именам: проездивший на извозчиках все деньги

и ставший босяком Коля Тополев, страшный, однорукий, похожий на какого-то осторожного, уверенного зверя неизвестной породы Мишка Посадский и Сумасшедший Николай, такой точный, что хозяйки проверяли по нему, не пора ли ставить кашу.

Рассказывая об окраинах города, называвшихся Америкой, Тынянов дает психологическое объяснение этого названия: нищета превзошла там все понятные пределы, и те, кто не смог уехать в Америку, казавшуюся единственным спасением, *жили этой Америкой, жили более в Америке, чем где бы то ни было* («В начале жизни школу помню я» 2003: 100). Поразившие ребенка детали их жизни – вновь психологического характера: *Они ссорились между собой решительно из-за всего, каждый час, каждый миг. Ссоры стали искусством... <...>женщины <...>рвали на себе волосы, падали на колени посреди улицы. Из-за пропавшей тарелки и украденного мешка* («В начале жизни школу помню я» 2003: 100).

С детских наблюдений Тынянов начал свой путь к тому, что сделало его одним из самых необычных исследователей и неповторимым писателем, – удивительной способности, подобно актеру, вжиться в образ другого человека. Понять, что он чувствует, как мыслит, мотивы его поведения, стать на какое-то время этим человеком, будь то бродяга Николай или сам Пушкин, или Грибоедов. Отталкиваясь от факта, наблюдаемого вживе или почерпнутого из исторического документа, Тынянов умел пойти дальше, заглянуть вглубь, интуитивно почувствовать характер человека. *Там, где кончается документ, там я начинаю* – признавался Ю. Тынянов (Тынянов 2002: 213). Так впоследствии он угадал во всей правде чувств трогательного Кюхлю: собрав архив В. Кюхельбекера, опубликовав его сочинения и истолковав их как филолог, настолько увлекся личностью малоизвестного к тому времени поэта, что с большим проникновением написал о нем роман. *Моя беллетристика возникла главным образом из недовольства историей литературы, которая скользила по общим местам и неясно представляла людей* – писал автор («В начале жизни школу помню я» 2003: 114).

В Пскове Ю. Тынянов прожил с 1904 по 1912 год («В начале жизни школу помню я» 2003: 113), девять лет, как и в Режице. Сдав вступительные экзамены, будущий литератор был принят в первый класс популярной среди прибалтийцев псковской губернской мужской гимназии. Вместе с двоюродным братом Мироном (Мишей) Гаркави он снял комнату в доме на Верхне-Петропавловской улице (сегодня улица Воровского) в семье псковских интеллигентов Кузнецовых. Здесь Тынянов прожил вплоть до окончания гимназического курса, только на время каникул возвращаясь в Режицу.

Роль Пскова в жизни Тынянова также значительна, поскольку именно здесь во многом сформировались и личность будущего ученого, и его литературный вкус. В Пскове за годы учебы в гимназии Тынянов обрел своих первых друзей, начал постигать русскую и зарубежную литературу. Сам город, его атмосфера,

повседневная жизнь, будни и праздники повлияли на будущего филолога: *С тех пор знаю русскую провинцию* («В начале жизни школу помню я» 2003: 112).

Вполне возможно, что при описании провинциальных меств своих произведениях писатель руководствовался впечатлениями, полученными в Пскове. В его изображении, как и в описании Режицы, видна избирательность социально-бытового, исторического, психологического материала. Исторический облик древнего Пскова, сохранившийся благодаря многочисленным церквям и остаткам крепостных стен и башен, в воспоминаниях Тынянова, тем не менее, отразился точно. Автор упоминает только о Поганкиных палатах, стене Марины Мнишеки о крепостной стене, называемой Тыняновым стеной Стефана Батория (по всей видимости, это один из участков стены Окольного города, в районе Покровского угла, где войска Батория пытались ворваться в осажденный Псков). Именно на этой стене Тынянов с друзьями проводил много времени: *Стена Стефана Батория была для нас не древностью, а действительностью, потому что мы по ней лазали* («В начале жизни школу помню я» 2003: 111). Так прошлое входило в состав настоящей реальности, ощущалось реальностью.

Гораздо более подробное описание в воспоминаниях Тынянова занимают псковские тюрьмы: *Огромный белый корпус каторжной тюрьмы притягивал меня. Хотя я учился в гимназии, но подлинно знакомым показался бы мне сейчас именно он, белый, похожий на русскую печь <...> Внутри за стенами стояло бесценно звонкое птичье щебетанье, методическое: щебетали кандалы* («В начале жизни школу помню я» 2003: 112). В звуке этого щебетания Тынянов слышал истории человеческих судеб, каждый арестант был для него прежде всего человеком. И снова обратим внимание на интерес будущего ученого и писателя к личностям, стоящим за гранью нормы, на этот раз за гранью установленных обществом и властью законов и правил. При описании тюрем Тынянов нередко прибегает к приему контраста: сравнение звона кандалов с птичьим щебетанием так же необычно, как сравнение тюрьмы с русской печью, в которой выпекают хлеб. Описывая встречу с одним из каторжных, Тынянов отмечает: *Студент был белокурый, коренастый, розовый и уже попахивал смертью* (Тынянов 2003: 112). Это столкновение образов, ассоциирующихся с полнотой и силой жизни (*щебетание птиц, хлеб, эпитеты белокурый, коренастый, розовый*) и образов *тюрьмы, кандалов, смерти* подчеркивает противоестественность несвободы, насильственного заключения человека человеком, ненормальность посягательства на чужую жизнь.

Показательно, что при изображении жителей Режицы подчеркивается живописность их облика: *старики носили длинные кафтаны, широкополые шляпы, жены в фиолетовых, зеленых, синих, красных, желтых бархатных шубках. Снег горел от шуб*. Напротив, среди псковичей выхватываются фигуры именно арестантов: *Арестантки ходили чинно, в длинных тиковых халатах в полоску, и ни на кого не смотрели, как монахини* («В начале жизни школу помню

я» 2003: 113). Режица запомнилась будущему писателю яркими зрительными впечатлениями и запахами: *Пахло вином; люблю запахи льна, масляных красок и понимаю их лучше, чем музыку и также как стихи*. Образ Пскова часто складывается из звуков: при описании ярмарки – только упоминание о дудочниках, играющих «Чудный месяц плывет над рекою», при описании тюрем – главный образ – *щебетание кандалов*. В целом внешняя, социальная сторона жизни Пскова предстает достаточно безрадостной: *Вешали в городе часто; Во Пскове было много тюрем*. Но все же определяющей в восприятии города Тыняновым стала удивительная атмосфера интеллектуальной и творческой свободы, сложившаяся благодаря кругу друзей и замечательной красоте псковских ландшафтов. И, может быть, причина кроется еще в метафизической, не поддающейся словесному выражению прелести Пскова, воздействующей на глубинные слои человеческой души.

Воспоминания о Псковской гимназии в автобиографии Тынянова занимают сравнительно небольшое место. *Гимназия была старозаветная, вроде развалившейся бурсы* («В начале жизни школу помню я» 2003: 111) – описывает ее Тынянов. Упоминаются всего два учителя: дерущийся математик и *пьяница-историк*. Однако нужно помнить, что автобиография собрана после смерти Тынянова из отрывков и набросков и, видимо, в ней отражено не все, что хотел бы рассказать ученый. Потому важным источником для нас являются свидетельства гимназических друзей Ю. Тынянова. В них особенно теплые воспоминания связаны с учителем словесности – Владимиром Ивановичем Поповым, например, у Лева Зильбера: *С благодарностью вспоминали мы Владимира Ивановича Попова, учителя русской словесности, влюбленного в русскую литературу, поэзию, природу и всячески старавшегося привить нам эту любовь. Он знакомил нас с новой русской и иностранной литературой, отнюдь не входящей в школьную программу. Будучи весьма либеральным человеком, он иногда давал нам темы и по сочинениям писателей, считавшихся крамольными. Давал для домашнего сочинения темы из произведений, например, Горького, вместе с нами подробно разбирал все достоинства и недостатки того, что мы писали* («В начале жизни школу помню я» 2003: 58). С восхищением вспоминал учителя и Август Летавет: *Владимир Иванович Попов был замечательным учителем. Его уроки были совсем не похожи на другие. <...> Владимир Иванович привил нам большую любовь к литературе* («В начале жизни школу помню я» 2003: 44). Можно предположить, что такой яркий, талантливый учитель и интересный человек оказал большое влияние и на Ю. Тынянова, на его восприятие и понимание литературы в будущем. Это предположение подтверждает и тот факт, что, спустя годы после окончания гимназии, Тынянов не терял связь со своим учителем. Когда Попова после революции выслали в Среднюю Азию, он, по свидетельству Л. Зильбера, писал Тынянову: *Живется мне не сладко, но здесь такое синее небо...* («В начале жизни школу помню я» 2003: 58).

Однако все же главным приобретением Тынянова в гимназии стали его друзья. Так получилось, что в один год на параллельных курсах училось сразу несколько талантливейших учеников – будущих крупных ученых: А. Летавет (1893–1984; стал известный исследователь в области гигиены и физиологии труда), Л. Зильбер (1894–1966; в будущем крупнейший микробиолог, иммунолог, вирусолог, основоположник санитарно-эпидемиологической службы) и Ю. Тынянов. К старшим курсам мальчики сдружились и стали неразлучны. Такой компанией они много гуляли по Пскову и его окрестностям. Ю. Тынянов вспоминал: *Исходили десятки верст вокруг города – помню все кладбища, березки, пригородные дачи и станции, темные рудые пески, сосны, ели, плитняк. Мы забыли о поездах...* («В начале жизни школу помню я» 2003: 113). Но самое любимое место для прогулок друзей была знаменитая псковская река. *Большую часть времени проводил <...> в лодке на реке Великой, которую и теперь помню и люблю* («В начале жизни школу помню я» 2003: 111). И еще одна интересная подробность: *На реке Великой (у впадения Псковы) я видел на дне сквозь прозрачную воду железные ворота, – псковичи закрывали реку и брали дань с челнов* («В начале жизни школу помню я» 2003: 111). О реке упоминал и Л. Зильбер: *мы пропадали на реке, начиная с весны, почти все свободное время* («В начале жизни школу помню я» 2003: 60). К этому времени относится короткое юношеское стихотворение Тынянова, в котором отразились его впечатления от путешествий по Великой:

*Волны баюкают ласково, ласково
Лодку мою...
Бросивши весла от берега вязкого,
С ветром плыву и пою...
Дрожь водяная, отлитая золотом,
Словно кровавые слезы блестит.
Небо пылает над скованным городом.
Город притих и молчит.*
(«В начале жизни школу помню я» 2003: 29)

Но, конечно, не только созерцание природы составляло суть этих прогулок. Исследуя окрестности Пскова, друзья спорили о смысле жизни, Боге, правде, социальной справедливости, выборе профессии. Ответы на *проклятые вопросы* искали в литературе. *Но ни у Чернышевского, Добролюбова и Герцена, ни у Достоевского, Вл. Соловьева и Льва Толстого, ни у Ибсена и Метерлинка, ни у других мы не смогли получить ответы, которые полностью бы нас удовлетворили. Это было сложное время – между двумя революциями, <...> время «смены вех»* («В начале жизни школу помню я» 2003: 61). Помимо открытий и разочарований в литературе, сопровождаемых бурными обсуждениями и спорами, были и часы, посвященные спокойному наслаждению поэзией. Читали вслух стихи Блока, Бальмонта, Брюсова, Городецкого, Сологуба, Белого, Бунина, вспоминали и классиков – Пушкина,

Лермонтова, Тютчева, Фета. Из иностранных поэтов любили читать Гейне, Бодлера, Верлена. *Эта дружба с горячими спорами по поводу всего, что волновало, спаяла нас, помогла нам идти с ясным взглядом сквозь полную волнений юношескую жизнь, помогала и хорошо учиться* – писал А. Летавет («В начале жизни школу помню я» 2003: 52).

Если бы у меня не было моего детства, я бы не понимал литературы – написал в своей автобиографии Тынянов. За этими словами встают и чудачки с режницких улиц, и слепой Николай, и дышащие старинной силой старoverы, и печальные цыганки, и прогулки по реке Великой, и горячие споры о смысле жизни, о Метерлинке и Достоевском. И еще – особенная атмосфера Пскова, застигнутого двумя революциями, города молодежи, города, окутанного тайной старинных стен и башен. Из детства и юности пришло в творчество Тынянова *близкое и кровное понимание людей и событий*, волнение за них.

Режица и Псков – два приграничных, провинциальных, многонациональных города с богатой историей, замечательной природой. И, главное, с такими разными и такими интересными, неповторимыми людьми, населяющими их. Эти два города вошли в жизнь Тынянова, в самом ее начале и, словно земля, которая питает дерево, чтобы то могло расти, стали основой для всего, чем занимался впоследствии замечательный филолог.

ЛИТЕРАТУРА

Вересова, Т. В. (сост., 2003). *«В начале жизни школу помню я...» Лев Зильбер, Вениамин Каверин, Август Летавет, Николай Нейгауз, Юрий Тынянов – о времени и о себе*. Москва: ФГУП Московская типография № 6.

Вересова, Т. В. *Юрий Тынянов в Пскове*. <http://edapskov.narod.ru/pskov/tinanov.htm>, см. 11.11.2014.

Каверин, Вениамин, Новиков, Владимир (1988). *Новое зрение*. Москва: Книга. *Основные даты жизни и творчества Ю. Н. Тынянова*. *Osnovnye_daty_zhizni_i_tvorchestva_JU_N_Tunyanova.docx*, см. 11.11.2014.

Тынянов, Юрий (1977). *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва: Наука.

Тынянов, Юрий (2002). *Литературная эволюция: избранные труды*. Москва: Аграф.

Шуплинска, Илга (2012). Юрий Тынянов (1894–1943). *Лингвоэтерриториальный словарь Латгалии* (2012). В 2-х тт. Под ред. И. Шуплинской. Резекне: Резекненская Высшая школа. 267–270.